

А. В. СТОГОВА

RESPUBLICA LITERARIA XVII ВЕКА КАК СООБЩЕСТВО КОРРЕСПОНДЕНТОВ

(ПО ПИСЬМАМ ГИ ПАТЕНА)*

В статье исследуются эпистолярные практики отношений между членами *Respublica Literaria*. На материале писем декана медицинского факультета Парижского университета Ги Патена автор рассматривает основные функции переписки как ключевого, чаще всего единственного, способа поддержания этих отношений. Особое внимание уделяется особенностям эпистолярных практик XVII столетия, ставшим реакцией на появление регулярного почтового сообщения и изменения в представлениях о дружеских отношениях.

Ключевые слова: переписка, *Respublica Literaria*, Ги Патен, история почты, дружеские отношения, экономика дарений.

Термин “*Respublica Literaria*” часто используется в исследованиях, но ему редко дается определение. Одну из попыток предприняли Ханс Ботс и Франсуаза Ваке¹, выделив несколько основных значений этого понятия в XVI–XVIII вв. Наиболее распространенными среди них были два. Прежде всего, так могли обозначать всех пишущих людей, тех, кто производил новые знания. Художественная литература формально не имела отношения к этой области, однако следует учитывать тот факт, что лишь в XVIII столетии наука и литература окончательно разойдутся, и это будет связано с оформлением особого научного дискурса. В XVII в. этот дискурс только формируется, и потому его соотношение с традиционным литературным дискурсом гораздо сложнее.

Второе значение связано с бóльшим акцентом на слове «республика», т.е. не просто множество ученых людей, а единое сообщество и пространство, которое они формируют. И это слово здесь не случайно, поскольку во многих описаниях современников *Respublica Literaria* предстает как своеобразное идеальное государство² – без границ и власти, государство, где все равны, вне зависимости от возраста, пола, ве-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время»).

¹ Bots H., Waquet F. 1997.

² Дэна Гудман отмечает не только политизированность понятия «Республика ученых», но и параллели в ее развитии с французской монархией. Goodman D. 1994. Chapter 2. The Rise of the State. P. 12–52.

роисповедания и т.п. Такое понимание позволяет исследователям рассуждать об элементах утопии в образе «Республики ученых».

Сильви Тоссиг отмечает, что *Respublica Literaria* в определенной мере представляет собой идеальное сообщество и обладает многими чертами утопии. Она выделяет несколько таких черт. Прежде всего – география. Как отмечает исследовательница, члены этого сообщества «одновременно повсюду в Европе и нигде»³, поскольку для них, в основном запертых в своих кабинетах, географическое место пребывания не имеет никакого значения. Тот город, который они указывают в конце письма, имеет мало общего с реальным местом (недаром его название и написано иначе – по латыни), поскольку не имеет никакого отношения к происходящим в это время «внешним» событиям. Еще одним элементом утопии является язык, по которому можно с легкостью узнать членов сообщества, и который позволяет хранить некоторую секретность их переписки. Этим языком является латынь. Самым интересным для нас, пожалуй, является социальная характеристика этого утопического сообщества. Все члены его равны: не существует ни социальных, ни религиозных, ни национальных различий. Даже гендерная иерархия в значительной мере сглаживается. Во всяком случае, единожды попавший в это сообщество становится равноправным его членом.

Еще один важный принцип функционирования *Respublica Literaria* – переписка, которая представляет собой механизм, обеспечивающий возможность существования этого сообщества⁴. Сама переписка как весьма специфический, опосредованный способ общения, добавляет еще больше странности и утопичности к образу этого «государства». К сожалению, в русских переводах термина *Respublica Literaria* этот аспект никак не отражен. Ведь термин “*literaria*” имеет отношение и к «учености», и к переписке. В нашей стране долгое время было принято выражение «Республика ученых». Однако, современное представление об «ученых» не вполне совпадает с кругом интересов и занятий тех, кто входил в *Respublica Literaria*. К нему принадлежали не только ученые в нашем понимании, но, по сути дела, все профессионалы, имеющие отношение к книжной культуре (юристы, медики и т.п.), которым было необходимо поддерживать профессиональные связи с коллегами в других городах и странах. Не случайно основные корреспонденты Ги Патена, о котором пойдет речь в данной статье, это его

³ Taussig S. 2002. P. 40.

⁴ По выражению М. Ултее, «письма были в самом сердце Республики Уловности». Ultee M. 1987. P. 98.

коллеги-медики.

В последнее время термин «Республика ученых» уступает место более адекватному переводу «Республика словесности». Но, к сожалению, и из этого варианта ускользает аллюзия на переписку.

Переписка позволяла поддерживать отношения между удаленными на значительное расстояние друг от друга людьми, объединенными общими интересами, обмениваться новыми идеями быстро и относительно свободно⁵. Конечно частная переписка, особенно людей известных и подозрительных, подвергалась перлюстрации, но была гораздо более свободным и быстрым способом научного диалога, чем книги, поскольку «письмо не нуждалось ни в печатании, ни в привилегии на печать»⁶. В раннее Новое время переписка начинает ассоциироваться с дружеским общением, что связано с изменением культуры чтения и культуры письма в этот период. И чтение, и написание текстов воспринимается как диалог или беседа, т. е. как элемент дружеского общения. Таким образом, в обмене знаниями и идеями задействуется дружеский дискурс. Кроме того, идея дружеских отношений часто лежала в основе представлений об идеальном сообществе, сочетающих в себе идеи равенства, благорасположенности и взаимопомощи. *Respublica Literaria* можно считать своеобразной попыткой воплощения такого способа социального устройства. Как отмечает Марта Фаттори, «в течение первых десятилетий XVII в. *amicitia* – это ключевое слово, определяющее связь в Республике словесности, и во второй половине столетия оно будет трансформироваться и все больше и больше идентифицироваться с понятием *tolerantia*, которое будет понемногу расширяться, до такой степени, что позволит выдвинуть гипотезу о республике атеистов»⁷.

В силу всего этого актуализируемый дружеский дискурс и сама

⁵ Надо отметить, что поддержание связей преимущественно посредством эпистолярного общения не было свойственно лишь этой «Республике». Совершенно очевидно, что не только люди, имеющие отношение к книжности, испытывали потребность в такого рода общении. То же самое можно отнести и к профессиональным потребностям финансистов и торговцев, или к более частным интересам дворян, когда ссылки и опалы, тяжбы из-за поместья, безденежье, которые могли затянуться на долгие годы, зачастую вынуждали их проводить в своих имениях значительную часть жизни. Переписка и для них являлась единственным способом поддержания значимых отношений. Многочисленные знакомства, которые завязывались при путешествиях или деловых поездках, также поддерживались перепиской. В силу этого люди, встретившиеся лишь однажды, могли долгие годы сохранять отношения благодаря обмену письмами, если эти отношения были для них важны.

⁶ Fattori M. 2005. P. 89.

⁷ Ibid. P. 97.

культурная практика эпистолярного общения неизбежно должны были оказывать влияние на формирование и функционирование такого сообщества как *Respublica Literaria*. Попробуем проследить эту связь на примере переписки известного французского врача XVII века, декана факультета медицины Парижского университета, автора многочисленных трактатов, либертена и язвительного наблюдателя Ги Патена.

Для начала определимся с самой эпистолярной практикой, которая к XVII в. сделалась для определенных слоев повседневной составляющей жизни и одним из самых важных каналов передачи информации. Один из основных факторов, определявших эту культурную практику, – развитие государственной публичной почтовой службы.

До конца XVI в. наиболее распространенным способом пересылки частной корреспонденции была их передача с попутчиками или слугами. Привилегия на то, чтобы оказывать официальные почтовые услуги принадлежала университетам. Кроме того, некоторые города устанавливали между собой почтовое сообщение и занимались пересылкой писем. И, наконец, третьим «официальным» способом пересылки корреспонденции было пользование услугами банков. Но все эти способы не предоставляли возможности установления регулярного сообщения между корреспондентами. Почта как учреждение, занимающееся пересылкой частной корреспонденции, появилась только в XVII в.

Во Франции, где жил Ги Патен, Генрих III издал в 1576 г. эдикт об учреждении в каждом городе двух должностей королевских гонцов. Главной их задачей была пересылка государственных бумаг, но они могли брать и частную корреспонденцию. Однако услугами гонцов пользовались редко. В условиях религиозных войн письма шли крайне нерегулярно, не существовало и единых тарифов. Жители некоторых городов, в частности Парижа, обладали правом самостоятельно определять стоимость пересылки адресованной им корреспонденции. В 1597 г. Генрих IV решает упорядочить систему почтовой службы, главной задачей которой была сдача в наем лошадей для переездов и пересылки различных грузов. Была установлена длина одного перегона от 12 до 15 льё. Этой службой заведовали два начальника почт. В 1602 г. их должности упраздняются, и создается пост единого генерального контролера почт, а в 1608 г. – начальника почт Франции. С помощью почтовых лошадей можно было пересылать и личную корреспонденцию, дождавшись следовавшего в нужном направлении путешественника.

С целью упорядочения пересылки писем в 1623 г. появляются регулярные курьеры, курсировавшие между Парижем и Бордо, Лионом и Тулузой. В 1627 г. Мария Медичи издает ордонанс об установлении

единых тарифов. За письмо взималась плата от 3 до 5 су в зависимости от веса и дальности пересылки. Плату за пересылку писем взимали с получателей. Курьеры должны отбывать и прибывать в определенные дни недели, но это правило касалось только крупных городов.

Несмотря на опоздания, потери и любопытство курьеров, почтовая служба обретала все большую популярность. Новый эдикт 1630 года учреждал сюринтенданство почт и предписывал создать в двадцати крупных городах бюро депеш, которые должны были взимать деньги за пересылку писем, согласно королевским тарифам. Дальше структура почтового ведомства все более усложнялась. Эдикт 1643 года устанавливал три наследственные должности – контролера, весовщика и сборщика платы во всех почтовых бюро. Каждому крупному городу вменялось в обязанность иметь двух королевских курьеров. Благодаря этим мерам была установлена некоторая регулярность пересылки, хотя она и оставляла желать лучшего. «Я получил ваше письмо от июня месяца в середине августа», – жаловался в 1638 г. в одном из писем Жан-Луи Гез де Бальзак⁸. Любые стихийные бедствия и военные действия нарушали почтовое сообщение. Особенно сильно на нем сказалась Фронда, во время которой военные действия велись несколько лет на большей части территории страны. В городах был введен паспортный контроль. И хотя у курьеров и почтовых экипажей было право прохода, они должны были иметь специальную пометку, а пассажиры – сертификаты от городских властей. И при этом их каждый раз тщательно обыскивали.

«Я узнал, что ординарный [курьер] из Лиона ни туда, ни сюда. Это вселяет в меня опасение, что вы не получили письма от пятницы 8-го января; и если это действительно так, то я очень несчастен, ибо в вашем пакете было большое письмо на 4 страницы, как обычно, и два других для ваших коллег гг. Гарнье и Фальконе; я отдал бы пистоль, чтобы вернуть обратно все три, если вы их не получите. Мой бог! Должна ли война нарушать столь невинное общение?»⁹ – так откликнулся Ги Патен на эти события.

Даже в мирное время корреспондентам приходилось сообщать, на письмо от какого числа они отвечают, чтобы проверять, не потерялось ли какое-то из писем. Более того, по свидетельству Патена, отсутствие писем из определенного региона было свидетельством того, что там не все в порядке: «Здесь поговаривают о чуме в Марселе, поскольку купцы совершенно не пишут и не получают никаких их писем»¹⁰.

Жители крупных городов имели теперь возможность отправлять

⁸ *Guez de Balzac J.-L.* 1854. Lettre à monsieur de*** du 19.08.1638. P. 462.

⁹ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 31.03.1649. Vol. 1. P. 373–374.

¹⁰ *Ibid.* Lettre à Charles Spon du 20.08.1649. Vol. 1. P. 497.

письма с почтой в другие города и даже за границу, но почтового сообщения внутри городов не существовало. Государственный советник Ренуар де Виллайер предложил решить эту проблему, создав в Париже «малую почту». Он придумал почтовые ящики, которые были установлены в 1653 г. на основных улицах города. Это был единственный вид почтовой пересылки, которая оплачивалась не адресатом, а автором письма. Однако инициатива Велайе потерпела крах, и «малая почта» очень скоро прекратила существование. Что касается «большой почты», то она стала монополисткой в области пересылки лишь в 1662 г., когда во главе сюринтендантства почт встал Лувау. Он объединил почтовое дело в провинции, взяв под контроль королевских, университетских и городских курьеров. К 1672 г. централизация почты была практически завершена. В то же время было создано откупное почтовое ведомство, которое держало в руках семейство финансистов Пайо-Руйе. Они подписывали арендные договоры сроком на 5 лет. В обмен на получение всех доходов от почты оно выплачивало государству 2 миллиона ливров. Это послужило образованию настоящей почтовой монополии.

Во всех провинциях Лувау организовал единую систему пересылки писем. Письмо следовало положить в почтовый ящик или отнести непосредственно в почтовое отделение¹¹. Дважды в неделю курьеры на почтовых лошадях отправляли письма¹². По прибытии в город назначения в почтовом отделении курьеру вручалась расписка в получении корреспонденции. Письма сортировались, взвешивались, оценивались и раскладывались по специальным ящикам. Получатель должен был забирать письмо на почте, прежде оплатив его доставку. Позднее была организована доставка на дом. В середине столетия в Париже существовало 4 пункта отправления курьеров: улица Оз Урс (в Англию и Фландрию один раз в неделю), церковь Св. Евстафия (в Берн, Сэ и т.д. два раза в неделю; в Нант, Ренн и т.д. два раза в неделю; в Руан – каждый день), Новый рынок (в Кале раз в неделю; в Реймс три раза в неделю) и улица Сен-Жак, где находилось основное почтовое бюро. Оттуда курьеры направлялись в Барселону, Рим, Женеву раз в неделю; Бурж и Лион два

¹¹ К 1692 г. в столице существовало шесть почтовых ящиков, а именно: на улице Сен-Жак, на площади Мобер, в предместье Сен-Жермен, на улицах Сент-Оноре, Сен-Мартен и Сент-Антуан. *Belloc A.* 1886. P. 140.

¹² Впрочем, и эти правила не всегда выполнялись. Поль Пелиссон упоминает о таком случае: «Едва мое письмо прибыло на почту, как пришла резолюция об изменении движения. Стало известно, что в Ате два дома закрыты из-за чумы. Таким образом, в тот же вечер был составлен новый маршрут, по которому, не пролегая ни через Ат, ни через его окрестности, путь удлинялся на три дня». *Pel-
lisson P.* 1971. *Lettre à mademoiselle de Scudéry du 06.05.1670.* Т. 1. P. 13.

раза в неделю; Мец, Нанси, Бордо, Нант, Анжер два раза в неделю; в Прованс, Дижон, Лангедок и Гасконь – раз в неделю¹³. Сеть почтовых дорог поначалу была очень узкой. На первой карте (1632 г.) Мельхиором Тавернье было указано всего 632 перегона. Однако во второй половине века эта сеть начинает активно расширяться.

Параллельно с развитием и централизацией почтового ведомства, усиливался и контроль за содержанием переписки. Со времени Ришелье значительно усиливается и перлюстрация, что закончится созданием знаменитых «черных кабинетов» при Людовике XV. Государство оставляло за собой право вскрывать или попросту оставлять у себя письма интересующих их лиц. Порой таким же образом перехватывались и государственные бумаги. В сочетании с любопытством самих курьеров, государственная политика перлюстрации делала невозможной тайну личной корреспонденции, не говоря уже о своевременности доставки.

«Я опасаясь некоторого мошенничества со стороны почтовых служащих, – писал Патен в 1650 г., – к тому же оно [письмо. – А. С.] было вскрыто и ваша печать совершенно изменена и размыта, и я получил его только спустя три недели после даты [отправки]»¹⁴. Госпожа де Севинье жаловалась дочери в ноябре 1671 года: «...Я в отчаянии, хотя вы знаете, что я никогда не придавала большого значения своим письмам, я однако всегда хотела, чтобы те, кому я их пишу, их получали. И я пишу их вовсе не для других и не для того, чтобы они были потеряны!»¹⁵.

Основное возмущение, по крайней мере среди вполне лояльных корреспондентов, вызывала именно задержка, потеря и порча писем при перлюстрации, а отнюдь не проникновение в их частное пространство.

Корреспондентам приходилось идти на различные ухищрения. Ги Патен имел обыкновение упоминать не только о том, когда он выслал предыдущее письмо, но и сколько страниц в нем было¹⁶. Полю Пеллиссону приходилось жаловаться мадемуазель де Скюдери, что письма приходят вскрытыми: «В эту минуту я получил, мадемуазель, второе из ваших писем от 3-го [числа] сего месяца. Оно было вскрыто, насколько можно судить по печати»¹⁷. В следующем письме он писал:

«Я отвечаю, мадемуазель, на ваше письмо от 6-го, которое мне вручили в эту минуту. Мне не кажется, что его вскрывали, как предыдущее, по

¹³ Belloc A. 1886. P. 85.

¹⁴ Patin G. 2006. Lettre à Charles Spon du 06.05.1650. Vol. 1. P. 664.

¹⁵ Sévigné M. 1972. Lettre à madame de Grignan du 18.11.1671. V. 1. P. 381.

¹⁶ «Со времени моего последнего [письма], которое было в пятницу 11 июня, день Св. Варнавы, которое содержало шесть страниц...». Patin G. 2006. Lettre à Charles Spon du 18.06.1649. Vol. 1. P. 461.

¹⁷ Pellisson P. 1971. Lettre à mademoiselle de Scudéry du 06.05.1670. T. 1. P. 13.

крайней мере, печать на нем была в гораздо лучшем состоянии. Г. Кольбер из Почты здесь. Я думаю, вы его уже известили. Вы очень правильно делаете, помещая на своих письмах слово, которое их ему рекомендует, именно по этой причине с ними обращаются в Париже с большей заботой. Это очень хороший человек, он предложил мне, чтобы все, что я хочу получать, приходило в его конверте»¹⁸.

В любом случае не подлежит сомнению, что развитие государственной почты подстегнуло развитие частной переписки, сделав ее гораздо менее обременительной. И расцвет *Respublica Literaria* не случайно приходится как раз на XVII столетие. Прежде всего, государственная почта создавала возможность для поддержания достаточно регулярной переписки. Именно регулярность позволяла создать эффект поддержания отношений не просто постоянных, но достаточно близких, в которых сам факт регулярной корреспонденции служил знаком того, что для каждой из сторон данные отношения представляли большую ценность.

Кроме того, появление публичной почты упрощало и возможность поддерживать переписку с большим числом корреспондентов, благодаря чему *Respublica Literaria* превратилась в разновидность сетевого общения. Развитие почтовой службы оказывало также довольно сильное влияние на сами эпистолярные практики корреспондентов.

В *Respublica Literaria* эти всеохватывающие эпистолярные связи порождали самые разнообразные и замысловатые сети отношений, различающиеся не только по географическим, но и по профессиональным, конфессиональным, временным и прочим характеристикам. Патен упоминает многих друзей, живущих не в Париже и даже не во Франции, с которыми он поддерживает эпистолярные отношения¹⁹. Когда сын одного из его знакомых решил отправиться в путешествие по Европе, «чтобы посмотреть университеты», то пришел за помощью к Патену: «... Я обещал ему письма в Лондон, Утрехт, Лейден, Лувен, Дуэ и Брюссель, у меня там повсюду хорошие друзья», – пишет он²⁰.

¹⁸ Ibid. Lettre à mademoiselle de Scudéry du 08.05.1670. T. 1. P. 16. Все эти проблемы способствовали тому, что пересылка со знакомыми или слугами оставалась весьма востребованной: «Если я скажу вам, – писал Гез де Балзак шевалье де Мере, – что ваш лакей нашел меня больным, и что ваше письмо меня излечило, я не буду ни поэтом, который придумывает, ни оратором, который преувеличивает, я буду собственным историком, который дает вам точный отчет о том, что происходит в моей комнате». *Guez de Balzac J.-L.* 1854. Lettre à monsieur le chevalier de Méré du 24.08.1646. V. 1. P. 490.

¹⁹ «Я только что получил письмо из Лейдена в Голландии от одного врача из числа моих друзей...». *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 05.11.1649. V. 2. P. 541.

²⁰ Ibid. Lettre à A. Falconet du 13.04.1660. V. 3. P. 192.

Ги Патен родился в почтенной амьенской семье нотариев и адвокатов 31 августа 1601 г. в деревушке около Оденк-ан-Брей в Пикардии (сейчас – департамент Уаза), недалеко от Бовэ²¹. Выучившись на адвоката он, тем не менее, против воли родителей начал заниматься медициной, в 1626 г. закончил обучение и получил лицензию врача. Патен, став уважаемым и зажиточным, одним из первых врачей в Париже, параллельно занимался преподаванием, научными изысканиями и издательской деятельностью. Он пишет и издает несколько книг – «Трактат о сохранении здоровья», «О кровопускании», «О чуме» и др. В 1632 г. он начинает читать курс хирургии на факультете вместо своего учителя Жана Риолана, который становится профессором Коллеж Руаяль. Патен делает успешную карьеру на факультете. В 1638 г. он на два года избирается доктором-экзаменатором, в 1641–1642 становится цензором факультета. Его трижды выдвигают кандидатом на пост декана, пока, наконец, он не занимает эту должность в 1650 г. После смерти Риолана он занимает и кафедру в Коллеж Руаяль. В 1668 г. его младший сын был приговорен к сожжению (за нелегальное распространение одного текста) и бежал из страны, а в 1670 г. от чахотки умер старший сын. Эти два события подкосили здоровье Патена, и он скончался в 1672 г.

Большая часть знакомств Патена связана с его профессиональными интересами. Он поддерживает переписку с медиками не только во Франции, но и в Голландии, Германии, Италии и других странах. Можно назвать среди его корреспондентов Симона Поли, профессора медицины в Копенгагене, де Фервоке, лекаря губернатора Фландрии, медиков г. Хоффмана из Готы и г. Винканероде из Нюрнберга и др. Однако есть и исключения – к примеру, Клод Сомез, автор «Словаря прециозниц», элленист Таннери Лефевр и др. Многими знакомствами за пределами круга медиков Патен обязан своему старому другу – Габриэлю Ноде. Ноде, человек свободных взглядов, поддерживает знакомство с интереснейшими людьми и вводит друга в круг либертенов-эрудитов, знакомя с братьями дю Пюи, Ламоттом Левайе, Гассенди. Кроме того, у Патена есть увлечение, которому он посвящает свободное время и значительную часть своих денег – его библиотека. Для того чтобы всегда быть в курсе книжных новинок, он поддерживает тесные отношения с целой сетью издателей, книготорговцев и библиофилов из разных городов. Его знания и связи в парижских книжных лавках столь велики и

²¹ Патен рассказывает историю своей семьи в одном из писем: *Patin G.* 1907. *Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion, rue de la Poulailleterie du 13.06.1644.* V. 1. P. 403–408.

известны, что он даже предлагает провинциальным издателям свою помощь в распространении их продукции в Париже²².

Эти дружеские отношения не только поддерживались через переписку, но порой и завязывались тоже «заочно». Такие «сети» знакомств по переписке покрывали в XVII в. всю Европу. Они расценивались по большей части как дружеские, и самой значительной из них, конечно, была *Respublica Literaria*. Эти круги общения у Патена вовсе не существуют изолированно друг от друга как отдельные ярусы общения. По закону сетевого общения один становится знаком многим, а множественность интересов порождает постоянное смешение этих разных на первый взгляд кругов знакомств. В итоге, например, язвительный вольнодумец Шарль Сорель, с которым Патен подружился во времена молодости и тесного общения в кругу либертенов, оказывается близким другом почтенного члена Счетной палаты Робера Мирона, друга, родственника и соседа Патена²³. Эта сеть постоянно пополнялась и разветвлялась благодаря налаживанию новых перекрестных знакомств.

«Здесь в этом городе пребывает почтенный человек, медик из Санта по имени г. Миран, *tibi frater in Christo*²⁴. Он здесь из-за процесса. Я поведал ему о вас, как вы того заслуживаете. Он весьма жаждет сдружиться с вами и вести небольшую торговлю книгами и медицинскую практику при вашем посредничестве. Он вам напишет»²⁵.

Связано это, прежде всего, с тем, что переписка была одним из немногих способов создать сообщество по интересам и находиться внутри него. Передавая приветы друзьям в Лион, Патен нередко упоминает сразу группу людей, причем не все они были медиками: «Я целую руки вам и всем нашим друзьям, среди прочих гг. Гра, Гарнье, Фальконе, Угетену-адвокату, г. его брату и г. Раво...»²⁶.

Среди всех подобных знакомств в письмах Патена особо выделяются друзья из Лиона, переписка с которыми сохранилась наиболее полно. Двух лионских медиков – Шарля Спона и Андре Фальконе – Патен называет «первыми среди лучших друзей»²⁷. Причем, поддерживая

²² *Jestaz L.* Etude critique // *Patin G.* 2006. Vol. 1. P. 262.

²³ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 25.11.1653. Vol. 2. P. 1137.

²⁴ Твой брат во Христе – т.е. протестант, как и сам Спон.

²⁵ *Patin G.* 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion du 08.03.1644. V.1. P. 378–379.

²⁶ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 16.08.1654. Vol. 2. P. 1253. Анри Гра, медик из Лиона, сторонник Тюренна; Пьер Гарнье, медик из Лиона; Андре Фальконе, врач Кристины Французской; Жан Угетен, адвокат из Лиона; Жан-Антуан Угетен, лионский издатель; Марк-Антуан Раво, лионский издатель.

²⁷ *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 30.12.1650. V. 2. P. 575.

с ними регулярную переписку, Патен неизменно в дополнение к этому посылал в письмах к каждому из них перекрестные просьбы заверить другого в своей к нему расположенности:

«Будьте любезны сказать нашему дорогому и истинному другу господину Спону, что я желаю ему доброго дня и доброго года, и что я – его преданнейший и покорнейший слуга...»²⁸.

В Лионе у Патена было сразу несколько друзей, которые общались между собой, и он порой посылал два письма на один адрес, просил одного из них передать другому свои просьбы, пожелания, посылки²⁹.

Шарль Спон – медик и протестант из Лиона, родился в декабре 1609 г. В 1625–1632 гг. учился на факультете медицины в Париже. Один из его преподавателей добился для него должности королевского участкового врача (1645). Уехав в Монпелье, Спон получил там в 1632 г. диплом доктора медицины. Вернувшись в Лион, где был только коллеж медицины, он выдержал экзамен на право вести дела в этом городе и должен был 2 года практиковать в пригородной деревушке. В 1635 г. он получил возможность работать в городе и быстро обзавелся большой клиентурой. В 1674 г. Спон стал вице-деканом и прокуратором коллежа – это была единственная должность, предоставляемая протестантам. Он скончался в феврале 1684 г. Как и Ги Патен, Спон является автором нескольких работ по медицине и редактором трудов других авторов. Они познакомились в 1642 г. в Париже и больше никогда не виделись. Первые письма 1642 г. еще хранили воспоминания о реальных беседах: «Когда я имел счастье видеть вас здесь, мы говорили о паре вещей, о которых я прошу у вас позволения вам напомнить»³⁰. Несмотря на взаимное желание повидаться еще раз, свидетельств, подтверждающих, что такая встреча состоялась, нет. Их отношения были дружбой по переписке и притом дружбой людей уже весьма зрелых (Патену в 1642 г. был 41 год, а Спону – 33). Она продолжалась до самой их смерти.

Андре Фальконе, потомственный врач, учившийся сначала в Роанне, а затем в ненавистном Патену Монпелье, был на 10 лет моложе друга. Получив диплом врача, он вскоре переехал в Лион и быстро стал известным медиком. Его, ординарного королевского врача и лекаря лионского архиепископа, в 1663 г. вызывают в Турин в связи с болезнью

²⁸ Ibid. Lettre à A. Falconet du 9.01.1659. V. 3. P. 114.

²⁹ «Восемь дней назад я послал нашему доброму другу господину Спону два тюка, где для вас есть Риолан *in folio*...». Ibid. Lettre à monsieur A. Falconet du 28.05.1649. V. 2. P. 515.

³⁰ Patin G. 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion, rue de la Poulaillerie du 21.10.1642. V. 1. P. 242.

Кристины Французской, дочери Генриха IV³¹. В 1641 г. он становится доктором права, в 1656 г. получает звание советника и увлеченно занимается литературой. Фальконе был знакомым Шарля Спона. Поводом для завязывания дружеских отношений между ним и Патеном стал вопрос последнего к Спону в одном из писем 1643 года: «Я прошу вас дать мне знать, кто такой г. Фальконе, который написал о цинге»³². Фальконе и Патен виделись всего несколько раз в жизни в силу занятости и удаленности друг от друга.

При всем сходстве этих отношений, с Ш. Спеном Патен тщательнее поддерживал переписку (не раз он отмечал в письмах к нему, что у него не хватает времени писать Фальконе, и он просит передать ему новости и извинения³³), и она была много более эмоциональной. Отношения завязались в 1642 г. Переписка продолжалась 22 года и насчитывает около 550 писем Патена и всего 19 сохранившихся писем Спона.

Первое известное письмо Патена к Спону датируется 21 октября 1642 года. Адресат тщательно сохранял получаемые письма, стараясь ставить на них отметки о датах отправления, получения и ответа. Письма хранили не только из привязанности или уважения к автору, но также потому, что переписка была важным источником информации. Именно это делало ее хранение порой делом весьма щекотливым. Об этом красноречиво говорит сам Патен:

«Сейчас я буду отвечать на ваше последнее [письмо], которое я получил этим утром, в 1-й день декабря, и которое, скажу без лести, вызвало у меня необыкновенную радость и утешение. Неужели вы в самом деле бережно храните мои письма, как говорите? Я никогда не думал, что они могут заслужить такую честь. Но с другой стороны, смотрите, как бы они не навредили вам, а заодно и мне из-за той свободы, с которой я иногда пишу вам кое-что о наших публичных делах»³⁴.

Безусловно, это общение строилось на постоянстве и взаимности обмена письмами. Как пишет Д. Гудман, «взаимность переписки одновременно и отражала, и усиливала чувство равенства, которое структу-

³¹ Кристина Французская (1600–1653) – дочь Генриха IV, герцогиня Савойская, жена Виктора-Амадея I.

³² *Patin G.* 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine, rue de la Poulaille à Lion, du 21.04.1643. V. 1. P. 280–182. Речь идет о трактате: *Falconet A.* Moyens préservatifs pour la guérison du scorbut. Lyon, 1642.

³³ Напр.: «Я надеюсь при первой же свободной минутке, которая у меня будет, начеркать пару слов г. Фальконе, которому я должен ответить уже на два его письма». *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 25.10.1652. Vol. 2. P. 974.

³⁴ *Ibid.* Lettre à Charles Spon du 03.12.1649. Vol. 1. P. 554–555.

рировало отношения среди жителей *Respublica Literaria*³⁵. В то же время не стоит идеализировать свойства этой переписки. Отнюдь не всегда это был постоянный и регулярный обмен письмами. С. Тоссиг подчеркивает утилитарность дружб по переписке в Республике словесности. По ее наблюдениям, они могли прерываться на долгие годы и с легкостью возобновляться, если в этом была необходимость. Переписка, как единственный способ общения была «основана на понятии обмена, но обмена без денег»³⁶. Предметом обмена являются мысли, и система функционирует так же, как система дарений, когда каждый дар должен быть компенсирован другим. Здесь не случайно обращение к идеям П. Бурдьё: переписка членов *Respublica Literaria*, и Ги Патена в частности, – словно иллюстрация к его рассуждениям.

Отношения, поддерживавшиеся перепиской, действительно могли неожиданно прерваться и также неожиданно возобновиться: «Нынешнее [письмо] – лишь для того, чтобы дать вам знать, что я по-прежнему ваш преданный слуга, и освежить вашу память обо мне», – пишет он Клоду Белену³⁷, с которым исправно поддерживал переписку в течение более десяти лет и вдруг «замолчал» на три месяца. Однако именно утилитарность подобных отношений зачастую заставляла печься об их поддержании. Дружеский дискурс оказывается в этой ситуации очень активно задействован, поскольку он позволяет скрыть эту утилитарность и обеспечивает риторике «незаинтересованности».

Каждый раз во время долгого перерыва, заставляющего подозревать, что какое-то из писем пропало, или что-то произошло, Патен выражает живейшее беспокойство и огорчение. Столь же эмоциональной, особенно среди перечисления всевозможных новостей, оказывается и его радость от полученного письма:

«Наконец 5 января я получил ваше доброе и милое письмо, столь желанное и конечно ожидаемое, и могу вас заверить, что здесь в Богоявление не найдется испанского вина, которое мне было бы столь же приятно, как это письмо. Оно меня обрадовало, оно меня утешило, оно меня наставило и научило, так что я повсюду о нем рассказываю. Хвала Господу, что вы получили два моих последних [письма], и что я получил ваше, которое столь сильно увеличило мою радость, редко бывающую чрезвычайной»³⁸.

Близость и эмоциональность, кажущаяся необычной для людей, видевшихся всего единожды, перемежается с курьезными на первый

³⁵ *Goodman D.* 1994. P. 18.

³⁶ *Taussig S.* 2002. P. 41.

³⁷ *Patin G.* 1907. Lettre à Monsieur Belin, docteur en médecine à Troyes du 26.11.1642. V.1. P. 252.

³⁸ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 08.01.1650. Vol. 1. P. 573.

взгляд «открытиями». Так только в 1650 г., спустя восемь лет после знакомства, Патен выясняет, сколько лет его другу! «Я был рад узнать, – пишет он Спону, – что вы родились в 1609 году, который я всегда считал фатальным»³⁹. Причем очевидно, что точный возраст друга сам по себе не интересует Патена, что может быть свидетельством как отношения к возрасту в целом, так и «утопичности» отношений в *Respublica Literaria*, о которой уже шла речь. Утопичности, понимаемой как сознательный, демонстративный уход от всех различий между собеседниками, которые могут быть иерархично организованы.

Отчасти значение этих своеобразных отношений по переписке в жизни Патена было связано с его необычайной занятостью, не позволявшей поддерживать дружеские отношения более привычными способами. Медицинская практика, управление факультетом, написание и редактирование трудов, отслеживание и покупка книг занимали все его время. Он неоднократно жаловался на то, что невероятно занят. «Г. дю Рие наглый лжец, я не видел и не искал его. У меня нет на это времени. Едва у меня появляется немного [времени], и едва я узнаю что-нибудь, я пишу вам»⁴⁰. На поддержание тесных отношений с окружающими его людьми, что требовало визитов, совместных обедов и т.п., времени не хватало, и поэтому его отношения с парижскими знакомыми оставались еще более «виртуальными», поддерживаясь лишь деловыми встречами и еще более редкими – и в силу этого не менее функционально и символически нагруженными – обедами. Общение по переписке было самым доступным для него способом дружеского общения. Хотя он не переставал мечтать о том, чтобы еще раз повидаться: «Возможно, я найду средство на несколько дней выбраться в Лион и там, только мы троим, мы сможем говорить более часто, чем мы можем сделать в письмах»⁴¹.

Переписка со Спонам была достаточно регулярной, в том смысле, что на каждое письмо непременно составлялся ответ. И, в свою очередь, новое письмо ожидалось в соответствии с представлением о разумных сроках, которые могут уйти на доставку письма, написание ответа и его доставку в Париж. К середине века уже сказалась привычка полагаться на королевскую почту, которая сделала регулярную переписку нормальной составляющей повседневной жизни. Но при этом Патен мог отправить несколько писем буквально через день, а мог написать всего одно за месяц. Обычно выходило в среднем 1-3 письма в месяц.

³⁹ Ibid. P. 572–573.

⁴⁰ Ibid. P. 577.

⁴¹ Ibid. P. 579.

Для эпистолярных посланий даже в рамках *Respublica Literaria* было очень важно, что письма имели сразу несколько функций. В первую очередь в центре внимания исследователей оказывается та функция переписки, которая обеспечивала циркуляцию идей, своего рода виртуальную дискуссию, приводившую к активному производству нового знания. Интересно, что и этот обмен суждениями функционировал в рамках дружеского дискурса. Просьбы о разного рода советах и суждениях позиционируются в письмах как знак взаимного доверия и дружеской расположенности. Сама свобода обмена мыслями считалась одной из главных привилегий дружеских отношений. Патен, отправляя небольшое рассуждение об эпилепсии, добавляет:

«Вот и мое заключение, которое я представляю вашей благоразумной критике: окажите мне милость просмотреть его и сообщить мне ощущение ваше, на чей суд я себя отдаю, но при условии, что если мы будем иметь различные мнения на этот сюжет, мы не перестанем быть добрыми друзьями»⁴².

Отправляя на суд друга еще одно свое рассуждение, он пишет:

«Поскольку я держу вас за своего лучшего и самого близкого друга, я взял на себя смелость открыться вам и с нижайшими поклонами просить вас, чтобы вы были так добры дать мне ваш совет по поводу замысла, который я имею об одном частном методе, о чем я писал вам кое-что раньше. [...] И вот моя мысль, по поводу которой выскажите мне свою, так свободно, как один друг может ожидать от другого [...] Если бы вы не были моим лучшим и самым близким другом, я не просил бы вас об этой милости; но основываясь на доверии которое я питаю, я дерзнул и смею ожидать от вас этой милости, чтобы вы высказали мне свое суждение»⁴³.

Для него суждение Спона действительно представляется весьма значимым. Просит он «посоветовать по дружбе»⁴⁴ и по иным поводам. Из оборотов, которые использует Патен, видно, что для него подобная дружеская услуга является одновременно и нормальной, и сверхнормальной, хотя он обращается к ней довольно часто. Этой услуге придается ценность, превышающая обычное ее значение для дружеских отношений, хотя, по сути дела, именно подобные сверхнормальные услуги и составляют основную цель поддержания данных отношений.

Однако не стоит считать переписку ученых мужей лишь обменом научными трактатами. Несмотря на то, что Патен и его корреспонденты из Лиона были коллегами, и медицина действительно занимает значи-

⁴² Ibid. Lettre à Charles Spon du 16.04.1649. Vol. 1. P. 428.

⁴³ Ibid. Lettre à Charles Spon du 13.07.1649. Vol. 1. P. 478–479.

⁴⁴ Например: «Age amicum и посоветуйте мне по-дружески». Ibid. Lettre à Charles Spon du 17.09.1649. Vol. 1. P. 514–515.

тельное место в их переписке, письма полны самых разнообразных сюжетов. Прежде всего, это вопросы, связанные с их общим увлечением книгами, – упоминания о них встречаются в каждом письме. Также всевозможные сообщения касаются других известных членов *Respublica Literaria*. Сообщались и столичные политические и придворные новости. Письма представляют собой настоящие сводки новостей: что произошло при дворе и на факультете, каковы последние действия в области внешней политики, как пререкаются иезуиты с янсенистами, и что происходит у Папы Римского, каковы книжные новинки, и кто из известных людей заболел или умер. Для Спона и Фальконе эти послания были настоящим кладом, ибо время обязательных утренних газет еще не пришло. Патен писал обо всем на свете, и не удивительно, что интенсивность переписки зависела в первую очередь от событий, происходящих в мире. Он неоднократно повторял: «...я писал бы вам гораздо чаще, если бы имел нечто достойное того, чтобы сообщить вам»⁴⁵. Патен мог дописывать письмо в течение нескольких дней, бывало даже, заканчивал его и принимался писать снова, не в силах отказать себе в удовольствии сообщить еще одну новость или не имея возможности отправить послание. Так, в начале 1649 года он более месяца не отсылал письмо, постоянно дополняя его, и оно получилось необыкновенно длинным из-за обилия новостей. В то же время даже отсутствие новостей не было для него причиной, чтобы писать реже, чем раз в месяц.

Если исходить из того, что письмо – это «дар, который должен нравиться [...], признательность другому»⁴⁶, то новость – это одна из важнейших составляющих этого дара, который в состоянии преподнести Патен своим провинциальным друзьям.

Особенно много внимания уделяется новостям в письмах периода Фронды, в том числе и потому, что Лион, где жили оба любимых адресата Патена, почти не был затронут этими событиями. Однако по большей части новости все же имеют второстепенное значение. Даже сообщение о смерти Людовика XIII Патен помещает лишь во втором абзаце своего письма после благодарности за очередную посылку и сообщения о новой вышедшей книге, которую он хочет отправить другу⁴⁷.

События частной жизни, сообщения об общих знакомых, размышления и впечатления также играют в письмах важную роль. Нельзя не упомянуть и самую практическую функцию их переписки – урегулиро-

⁴⁵ Patin G. 1846. Lettre à A. Falconet du 27.12.1658. V. 3. P. 105.

⁴⁶ Bray B. 2007. P. 48

⁴⁷ Patin G. 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine, rue de la Poulaille-rie, à Lion du 19.06.1643. V. 1. P. 301.

вать различные вопросы, связанные с поручениями, которые адресаты дают друг другу: узнать... купить... рассказать... передать... и т.п.

Элен Моно-Кассиди анализировала переписку президента Жана Буйе, жившего веком позже Патена. Несмотря на разницу во времени, функции их писем очень похожи. Корреспонденты Буйе, которые писали ему из Парижа, из провинции, из-за границы, «разыскивали редкие книги, которые были ему нужны, обменивались латинскими цитатами, чтобы обсудить их значение, или консультировались с президентом по вопросам юриспруденции или перевода стихов Цицерона»⁴⁸.

Итак, частота и регулярность переписки зависели не только от интенсивности обмена идеями, но и от количества новостей или возможностей почтовых курьеров, или даже занятости самого Патена и его корреспондентов. В то же время ведение регулярной переписки в условиях полного отсутствия личного общения неизбежно рассматривалось как нечто равнозначное поддержанию собственно дружеских отношений. И чем более ценными представлялись те или иные эпистолярные контакты, тем больше корреспонденты заботились об их сохранении.

Патен очень ценил эту возможность общения с другом: «Я никогда не имел большего удовольствия, чем читать ваши письма и писать вам. Вот почему я прошу вас не осуждать, что мне трудно остановиться...»⁴⁹. Поэтому двухмесячный перерыв в посланиях Спона в начале 1650 г. он воспринимает очень болезненно⁵⁰. Особенно эмоциональным выглядит письмо от 3 мая, начатое еще 12–13 апреля. Патен то и дело мысленно возвращается к отсутствию писем от Спона, очень его тревожившему. Письмо начинается с длинного болезненного пассажа, в котором он переходит от шуток к просьбам, от подозрений к мольбам:

«Теперь вот 6-е письмо, которое я вам приготовил, все еще надеюсь, что вы однажды обоготельствуете, утешив меня каким-нибудь из ваших, чего я желаю всем сердцем. И в ожидании этого столь приятного для меня события я не прекращаю писать вам и продолжу, как и раньше, до тех пор, пока не узнаю, что эти мои письма вам неприятны, или пока вы не окажетесь в таком состоянии, что уже не будете нуждаться в письмах: *quod utinam absit in multos annos ab utroque nostrum*⁵¹. Постарайтесь же написать мне несколько слов и сообщить что-нибудь о своем здоровье, и получили ли вы мои письма. Не говорите мне, почему вы так долго не писали, но

⁴⁸ *Monod-Cassidy H.* 1973. P. 135–136.

⁴⁹ *Patin G.* 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine, rue de la Poulaille-rie à Lyon du 14.09.1643. V. 1. P. 329–330.

⁵⁰ «В остальном вот уже 4-е [письмо], которое я пишу, не видя ваших...». *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 01.04.1650. Vol. 1. P. 639. Патен подчеркивает, сколько времени прошло с последнего полученного им письма.

⁵¹ ...надеюсь, что с нами обоими этого не случится много лет (лат.).

напишите только о вашем здоровье, о здоровье всей вашей семьи, *quia amote languet*⁵², и в случае, если вы не хотите более, чтобы я вам писал, будьте добры сообщить мне причины, чтобы я в будущем воздерживался от них, если сочту ваши доводы основательными, и в случае, если я буду в силах принудить к этому себя самого. По меньшей мере, знайте и будьте уверены в том, что я в такой печали от того, что не имею более новостей от вас, что никогда тирания Мазарини, гнев королевы, война принца Конде, осада Парижа и угрозы сторонников партий, даже опасность умереть от голода во время осады Парижа не лишали меня ночного покоя и спокойствия духа, как утрата ваших писем, каковую я считаю непростительной с вашей стороны, если только у нас нет на это каких-то веских причин, но они должны быть очень сильными, даже более сильными, чем армии, которые Мазарини предназначил, чтобы взять Бельгард, и чем пушки, которые г. де Вандом туда ведет. Вспомните же и напишите мне, и сообщите что-нибудь, что меня утешит, тогда как сердце мое страдает [...] от того, что я не получаю более ваших писем и не узнаю новостей. Возможно ли, чтобы я оказался в немилости? Я в это не верю. [...] Вы видите, что я совершенно готов идти исповедоваться, но мне нечего сказать этому человеку в двух рубахах, и было бы глупостью для такого хорошего хозяина, как я, отправиться туда, чтобы потерять две весьма ценные вещи – мое время и мои деньги, которыми большинство привыкло весьма плохо распоряжаться в таких встречах. Напишите же мне, и сообщите, как ваши дела, и как наш добрый друг г. Гра, *ut valet, ut memnit nostri*⁵³; что нового издается в Лионе; какие вести вы имеете из Рима и среди прочих о кардинале Теодоли, который умер 15 дней назад, *ex antiqua et inveterate syphilide*⁵⁴. Если вы не хотите писать об этом, пишите мне, о чем вам нравятся: благословения, проклятия, оскорбления, хорошие пожелания...»⁵⁵.

Он несколько раз возвращается в письме к этой теме по мере того, как прибывают почтовые курьеры из Лиона, не в силах избавиться от подозрений, что Спон по какой-то причине не хочет продолжать переписку:

«Я не знаю откуда происходит эта ваша холодность: из-за какой превратности потерял я ваше расположение? Сжальтесь над истомившимся человеком, который спешит домой в нетерпении увидеть, не принес ли курьер или почтовый служащий ваши письма. Я бешусь от того, что не знаю почему вы не пишете мне больше, как в течение уже 8 лет, что вы мне оказывали эту честь, когда почтили меня своей дружбой, и если я не делал всего, что нужно, чтобы заслужить ее, по меньшей мере я могу вас заверить, что я делал все, что мог. Подумайте же обо мне, не огорчайте меня, прошу вас»⁵⁶.

Интересно, что когда долгожданное письмо было, наконец, полу-

⁵² ...поскольку любовь лишила меня сил (лат.).

⁵³ ...как здравствует, и помнит ли нас (лат.).

⁵⁴ ...от старого и запущенного сифилиса (лат.).

⁵⁵ Ibid. Lettre à Charles Spon du 03.05.1650. Vol. 1. P. 654–655.

⁵⁶ Ibid. P. 659–660.

чено, радость от него оказалась весьма умеренной. Письмо шло дольше обычного, но, хотя Патен и не пишет об этом, его, очевидно, огорчило, что за все это время Спон написал только одно письмо от 12 апреля.

Два года спустя, едва снова случился небольшой перерыв в письмах Спона, все повторяется сначала:

«Я больше не получу от вас весточки? Если вы не хотите больше делать мне столько добра, дайте мне знать через кого-нибудь, что вы больше не хотите мне писать, и что между вами и мной больше не будет переписки и дружбы. Если же нет, если вам жаль меня, напишите же мне и не заставляйте меня больше столько ждать. Я прошу у вас всего три слова вашей рукой: *Vivo et valeo, tu valeo*»⁵⁷.

Эта ситуация может быть описана как случай нарушения взаимобменных циклов, связанный с внезапным изменением интервала между даром (письмом) и ответным даром⁵⁸. Запоздание, рассматриваемое как не-ответ, может привести к разрыву отношений. Главным фактором, конструирующим отношения обмена письмами, оказываются представления об этом временном интервале. Где проходят границы того периода, который воспринимается как нормальный или допустимый, и с какого момента появляется ощущение разрыва, дискретности, которое и должен преодолевать обмен письмами, создавая видимость непрерывности отношений? Здесь оказывается значимым влияние новой организации пересылки писем⁵⁹. Сделав обмен письмами регулярным, почтовая служба способствовала достаточно четкой фиксации интервала «ожидания ответа», формируя практику поддержания отношений и их переживание. В то же время, сама почтовая система, в силу довольно частых нарушений этого интервала, порождала болезненные для корреспондентов ситуации, т.е., по сути, будучи медиатором, постоянно вмешивалась в конструирование отношений. Наконец, четкая фиксация интервала между письмами и необходимость в регулярном обмене делала очевидным наличие заинтересованности в поддерживаемых отношениях. И эта наглядность собственного интереса (его, безусловно, стимулировали и другие факторы) в дружеских отношениях становится одной из центральных проблем в этосе дружбы в XVII столетии.

В то же время Патен, основным содержанием писем которого бы-

⁵⁷ Ibid. Lettre à Charles Spon du 26.03.1652. Vol. 2. P. 853–854. Латинская фраза: Я жив и здоров, будь здоров и ты!

⁵⁸ Бурдые П. 2001. С. 192–218.

⁵⁹ По меньшей мере, это имеет отношение к переписке с жителями тех городов, с которыми было установлено регулярное почтовое сообщение. В их число, как мы видели, входили и города за пределами Франции.

ли всевозможные новости, а частота писем зависела во многом от плотности происходивших событий, прекрасно понимал, что его друзья из Лиона не могут ответить ему тем же: «Не удивляйтесь, если я пишу вам чаще, чем вы мне. Я хорошо знаю, что вам почти нечего мне сообщить»⁶⁰. В более спокойное время Патен уверенно отвечал на упреки своего адресата: «Что касается нашей дружбы, между вами и мной, я ничуть в ней не сомневаюсь. С моей стороны она никогда не прекратится, и с вашей, я надеюсь, тоже»⁶¹. Отмечая эту особенность писем Пате-на, Л. Жестаз добавляет: «Дружба, которая завязалась между ними, скрепляясь на и через бумагу, кажется, с каждым годом становилась более глубокой и более живучей. Именно письма питали, углубляли, крепили ее каждый день все более и более основательно, что сложно вообразить умам XX века, утомленным простыми и прямыми средствами коммуникации»⁶². В черед писем, где Патен высмеивал всех на свете, рассказывал о последних событиях в Польше или о болезни Королевы-матери, он иногда артикулирует свои дружеские чувства:

«[Мой добрый друг], – пишет он Фальконе в июле 1661 г., – я пишу вам с радостью, благодаря которой мне кажется, что я беседую с вами и вижу вас здесь, несмотря на огромное расстояние, которое существует между нами, но, однако, я всегда испытываю некоторое сожаление, если не могу сообщить вам какую-нибудь хорошую новость»⁶³.

Имея массу знакомств и друзей в Париже, он скучает по своим друзьям в Лионе, каждого из которых он видел один-два раза в жизни:

«...Вы можете быть уверены, что не проходит и дня, чтобы я не говорил о вас или не думал о вас более шести раз по различным поводам, главным образом, когда я встречаю здесь какого-нибудь лионца или когда узнаю какую-нибудь достойную новость, чтобы вам сообщить, с этой целью я всегда держу в своем столе начатое и не законченное письмо»⁶⁴.

Попыток рассмотреть переписку со Спеном как дружеское общение до сих пор не предпринималось, хотя Л. Жестаз отмечает: «Поскольку он писал по дружбе, он хотел получить от своего друга свидетельство симпатии, и эти отношения в большей степени являются призывом к эмоциональному, осязаемому, связанному с взаимной близостью и идентичными склонностями соучастию, нежели холодной, почти журналистской передачей события. В том и состоит богатство

⁶⁰ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 28.05.1652. Vol. 2. P. 901.

⁶¹ *Ibid.* Lettre à Charles Spon du 23.05.1653. Vol. 2. P. 1081.

⁶² *Jestaz L.* Préalable à l'édition critique// *Patin G.* 2006. Vol. 1. P. 336.

⁶³ *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 15.07.1661. V. 3. P. 382/

⁶⁴ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 14.05.1649. Vol. 1. P. 437.

этой переписки, полной жизненного и дружеского трепета и составленной человеком, который всегда был взволнован и всегда реагировал на то, что его окружало, и беспокоился о том эхе, которое ему вернется»⁶⁵.

Эти неожиданные чувства, иногда прерывающие вереницу новостей, действительно, производят впечатление искренних и в чем-то непосредственных: «Вы чудесный друг, вы прежде присылали мне столько подарков и продолжаете обременять меня ими, я дошел до того, что уже не знаю, как мне управляться с вами, ибо вы принуждаете меня к невозможному»⁶⁶. В этом смысле подчеркнутая утилитарность переписки в *Respublica Literaria* отнюдь не означала отсутствия привязанности и «сухости» как отсутствия эмоций. Напротив отношения по переписке оказываются неожиданно эмоциональными. Именно утилитарность отношений делает их столь ценными для Патена, а эмоциональность отношений оказывается прямым следствием осознания их полезности, их «ценности». С другой стороны, чем сильнее переписка обнажает наличие интереса в поддерживаемых отношениях, тем активнее становятся усилия, предпринимаемые, чтобы этот интерес скрыть. Подобные пассажи в письмах, очевидно, имеют целью упрочить отношения, через придание им иного, не утилитарного основания. Таким образом, дружеский дискурс вновь оказывается тесно увязан с этой утилитарностью, он позволяет не узнавать ее, если говорить в терминах Бурдьё.

Столь же показательна в отношении эмоциональности отношений среди членов *Respublica Literaria* реакция Патена на отъезд Габриэля Ноде в Швецию. Патен, описывая свои переживания, крайне редко отмечает, как именно они выражались, но, тем не менее, эмоциональность его переживаний очевидна, как и желание выразить ее в письмах:

«Г. Ноде отправился отсюда в свое путешествие в Швецию в воскресенье 21 июля. Он поедет через Лейден, где увидит г. Сомеза. Мы попрощались друг с другом с большим огорчением. Это расставание кажется мне очень тяжелым. Пусть его путешествие будет благополучным! Мне кажется, что я много выиграю, если смогу когда-нибудь иметь счастье вновь увидеть его возвращение оттуда»⁶⁷.

Порой он упоминает о слезах. Слезы, пролитые по умершему другу, хотя и весьма далекому, с которым почти не было отношений, но сохранялось уважение, – естественное отражение дружеской симпатии:

«Он ни ханжа, ни мазаринист, ни сторонник Конде с 4 июля прошлого года, когда мы потеряли доброго г. Мирона, который был его близким дру-

⁶⁵ Jestaz L. Etude critique // *Patin G.* 2006. Vol. 1. P. 31–32.

⁶⁶ *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 24.02.1662. V. 3. P. 399.

⁶⁷ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 02.08.1652. Vol. 2. P. 946–947.

гом. Он никогда не говорит о нем без слез, которые наворачиваются ему на глаза, хотя он человек весьма стоический»⁶⁸.

У Патена были особые поводы для волнений – он был не только другом, но и врачом Ноде, – и они оправдались. На обратном пути из Швеции Ноде заболел. Патен переживал, что не может выбраться из Парижа, чтобы поехать к нему. Вскоре пришло известие о смерти Ноде, которое совершенно выбило Патена из колеи. В тот день он только и смог написать Спону о его смерти, через пять дней он делает еще одну небольшую запись и заканчивает письмо: «Я этим безутешно удручен и не могу писать вам более, настолько я охвачен и переполнен болью»⁶⁹.

Позднее он опишет свои переживания: «Я ничуть не утешился от смерти г. Ноде; в течение дня, когда я узнал эту злосчастную новость, я совсем не выходил и был совершенно ею парализован. Не то, чтобы я имел желание отправиться искать его в другом мире (возможно даже, что мы никогда не встретимся), но я удручен несчастьем столь достойного человека... О бедный друг, которого я никогда не увижу! Будь проклято это путешествие, которое лишило нас столь драгоценного друга!»⁷⁰. Многие месяцы потом он вспоминает о своей утрате: «отдал бы десять тысяч ливров, чтобы г. Ноде был сейчас у него за частной беседой, как когда-то». «Я день и ночь беспрестанно оплакиваю г. Ноде. О! какую огромную потерю я понес в лице этого друга! Мне кажется, что я умру из-за нее, если Господь мне не поможет»⁷¹.

1650-е годы – не только пик карьеры Патена, но и время потери друзей: 1653 – Ноде и Сомез, 1655 – Гассенди (Патен лечил его, как и Ноде), 1656 – Моро и 1657 – Риолан, после которого Патен наследует кафедру ботаники, фармацевтики и анатомии в Коллеж Руаяль, и многих других. Сообщения об их смертях, появляющиеся в письмах, показывают, сколь широкий круг отношений включался в понятие дружбы. Почти все они не идут ни в какое сравнение с описанием утраты Ноде. Чаще всего это довольно спокойное упоминание с перечислениями разнообразных достоинств умершего. Вот, например, как Патен рассказывает о кончине своего «дорогого друга» Жана-Пьера Камю:

«Епископ де Белле, несравненный прелат, умер в возрасте 68 лет в предместье Сен-Жермен в Больнице для неизлечимо больных. Всю свою жизнь он писал и проповедовал и так и умер от воспаления легких»⁷².

Потребность репрезентировать в переписке свою сильную эмоциональную привязанность к адресату и к другим людям, с которыми

⁶⁸ Ibid. Lettre à Charles Spon du 25.11.1653. Vol. 2. P. 1137.

⁶⁹ Ibid. Lettre à Charles Spon du 08.08.1653. Vol. 2. P. 1108–1109.

⁷⁰ Ibid. Lettre à Charles Spon du 26.08.1653. Vol. 2. P. 1112.

⁷¹ Ibid. Lettre à Charles Spon du 21.10.1653. Vol. 2. P. 1131–1132.

⁷² Ibid. Lettre à Charles Spon du 10.05.1653. Vol. 2. P. 876.

его связывают похожие отношения, хорошо перекликается с тем, что Патен очень часто испытывает потребность вспоминать, упоминать, так или иначе фиксировать в письмах дружеские отношения со Спеном. И те, и другие выступают в качестве перформативных высказываний:

«Сударь, умоляю вас верить, что если вы рады получать мои письма, то я получаю еще больше радости от ваших. Я хорошо знаю, что вы меня любите, и много больше, чем я того заслуживаю. Ваша дружба – несравненное счастье для меня, а несчастье, что я так мало ее заслуживаю»⁷³; «Сударь, чтобы ответить на ваше письмо, что я только что получил, я скажу вам, что почитаю себя очень обязанным вашей привязанности и доброму приему, который получают мои письма, что я пишу без церемоний и с предельно дружеским характером, чтобы отвечать на ваши, к коим испытываю глубочайшее почтение. Вы видите, что я нисколько не забочусь о стиле или прикрасах и не пользуюсь ни Фебом, ни Бальзаком»⁷⁴; «Я хочу с радостью и удовлетворением сообщить вам как лучшему из моих друзей одну вещь, которая произошла на этой неделе»⁷⁵.

О том, что Спон отвечал другу взаимностью можно понять из писем самого Патена: «Вот, я получил ваше [письмо], полное привязанности и дружбы, согласно вашему обыкновению...»⁷⁶.

Дружеский диалог в наибольшей степени проявляется именно в том смешении разных сюжетов, о которых шла речь выше, когда Патен то и дело перескакивает мысль с одного на другое. Его послания не являются продуманными, отредактированными, выдержанными в нужном тоне и переписанными с черновика сочинениями. Он не уделяет большого внимания изящности своего стиля, его письма – прежде всего изложение мыслей и чувств, а не образец продуманного красноречия⁷⁷.

В его письмах неизменно появляется и информация о собственной жизни и о членах его семьи. Патен явно не придает ей большого значения, только самые волнительные события частной жизни кажутся ему достойными места в дружеском письме – получение новой должности,

⁷³ Patin G. 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine, rue de la Poulaille-rie à Lyon du 16.11.1643. V. 1. P. 342.

⁷⁴ Ibid. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion du 16.04.1645. V. 1. P. 456.

⁷⁵ Patin G. 2006. Lettre à Charles Spon du 08.10.1649. Vol. 1. P. 524.

⁷⁶ Ibid. Lettre à Charles Spon du 01.11.1652. Vol. 2. P. 976.

⁷⁷ Л. Жестаз приводит цитату из 2 тома «Клелии» мадемуазель де Скюдери, как наиболее близкое по духу к письмам Патена описание правил эпистолярного жанра, упоминая о формировании нового идеала беседы и переписки как живой «неотредактированной» беседы (*Jestaz L. Préalable à l'édition critique // Patin G. 2006. Vol. 1. P. 344–345*). Однако не стоит забывать, что этот идеал живой непринужденной беседы подчинялся очень строгим правилам ее ведения. То же касалось и писем: живость и непосредственность отнюдь не были следствием отсутствия внимания к стилю.

смерть сына и т.п. Большая часть подобной информации сообщается им по просьбе его корреспондента и часто сопровождается благодарностями за высказанный интерес и заботу.

При этом письма Патена демонстрируют и заботу о подобающих любезностях, которые должны сопровождать эпистолярное послание. Первые годы, до 1650 г., переписка с Фальконе видимо еще не устоялась, и Патен неоднократно выражал благодарность в связи с получением нового письма: «У меня нет таких прекрасных слов, чтобы отблагодарить вас за привязанность, которую вы мне изъявляете в вашем любезнейшем письме...»⁷⁸. Однако эти любезности, в силу того, что они постоянно изменялись, не становились формальными.

Л. Жестаз очень живо прокомментировала эту особенность: «Переписка Патена в этом отношении особенно трогательна. Насколько финальные приветствия или демонстрация дружбы далеки от принятых и повторяющихся формул привязанности! Постоянно изменяемые, выраженные на французском или на латыни, они чудесно отображают привязанность, которую Патен испытывал к своему корреспонденту»⁷⁹.

Сам же Патен писал по этому поводу:

«Боюсь, вы насмехаетесь надо мной, когда говорите, что мои письма полны любезных выражений. У меня и впрямь нет недостатка в желании, оно переполняет меня, но взамен, я практически не обладаю красноречием, пишу обо всех вещах грубо, так, как их понимаю...»⁸⁰.

Любезности в конце письма были для Патена весьма значимы. Он редко обходится без них, в основном только при нехватке места на листе бумаги. Он не пытается сделать письмо более фамильярным, избегая или сокращая их. Для него заключительные фразы являются не формальной вежливостью, но еще одним способом демонстрации привязанности, духовной ценности тех отношений, которые он поддерживает с корреспондентом.

Поначалу Патен подписывал письма однообразно: «Я преданнейше целую ваши руки и являюсь, Сударь, вашим преданнейшим и покорнейшим слугой. Патен»⁸¹. Но использование латыни позволило ему сохранить любезный стиль и придать ему разнообразие, смягчающее чопорность. Одной из таких любимых фраз является *Vale et me ama* – «Будь здоров и люби меня», которая, порой с некоторыми изменениями,

⁷⁸ *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 10.10.1648. V. 2. P. 509.

⁷⁹ *Jestaz L.* Préalable à l'édition critique // *Patin G.* 2006. Vol. 1. P. 337.

⁸⁰ *Patin G.* 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lyon du 08.03.1644. V. 1. P. 368.

⁸¹ *Ibid.* Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion du 02.03.1643. V.1. P. 267.

повторяется во многих письмах. Когда же он обходится без латыни, его стиль порой выглядит несколько тяжеловатым:

«Я также очень настоятельно прошу у вас блага и чести продолжения вашего расположения, которое мне столь полезно и столь благотворно, при обязанности, что я, Сударь, буду всю свою жизнь вашим покорнейшим и преданнейшим слугой, Патен»⁸².

Хотя эти финальные фразы не выглядят простой формальностью, по несколько напыщенному стилю они очень близки к тем, что представлены в письмовниках, что еще раз подчеркивает, что эти фразы выполняли очень значимую функцию в его письмах.

Значимость переписки в рамках *Respublica Literaria*, которую Патен постоянно подчеркивает, самыми разными способами акцентируя внимание на ценности отношений с корреспондентом и важности их поддержания, заключалась не только в возможности обмена мыслями и новостями. Еще одним аспектом эпистолярных отношений, настолько существенным, что порой может показаться, что сама переписка имеет ценность лишь в силу того, насколько она позволяет ему осуществиться, был обмен вполне материальными дарами, среди которых, в среде Республики словесности естественно главенствовала книга.

В XVII в. книга стала уже не столь дорога и была очень популярным подарком. В то же время, как утверждает Н. Дэвис, в силу распространенного мнения, что знания и способности – дар божий и не могут быть чьей-то собственностью, книга рассматривалась как привилегированный объект, который не поддавался полному присвоению, что определило своеобразный этос антикваров-коллекционеров⁸³. Впрочем, возражения на это весьма многочисленны и встречаются почти в каждом исследовании по истории чтения или книгопечатания. Автор (который уже существует в XVII в.) пишет не книгу, а текст. Книга – объект вполне материальный и эта материальная составляющая очень важна. Хорошо изданная книга может быть весьма ценным предметом дарения даже вне зависимости от характеристик самого текста. И наконец, текст не может существовать как таковой, пока он не будет прочитан, т. е. присвоен читателем. Но нельзя не согласиться с тем, что двойственный характер книги как материального и нематериального объекта и как двойственного дара – исходящего одновременно и от дарителя, и, чаще всего косвенно, от самого автора – делало книгу особым подарком, особенно если автор и даритель был одним и тем же лицом. Тем

⁸² Ibid. Lettre à Charles Spon du 03.12.1649. Vol. 1. P. 562.

⁸³ Davis N. Z. 1983. P. 87.

более что привилегия делать такие подарки во Франции принадлежала жителям нескольких крупных городов, являвшихся центрами книгопечатания, в основном – Парижа, Лиона и Руана.

В 1650 г. Спон преподнес Патену особый подарок с дарственной надписью – давно ожидаемый Патеном перевод, осуществленный самим Спеном, который долго печатали в Лионе. Для Патена, надеявшегося однажды отблагодарить друга подобным же образом, эта надпись представляла собой не просто обозначение дружеского дара, демонстрирующего привязанность, но возможность публично зафиксировать их дружеские отношения, в том числе для последующих поколений:

«Я надеюсь, что вскоре представится какой-нибудь случай (чего я страстно желаю), с помощью которого я смогу дать знать вам и также потомству, насколько я считаю себя обязанным вашей неповторимой доброте и доброй дружбе, которой вы почитаете меня в течение нескольких лет»⁸⁴.

Книги, издававшиеся в Лионе, были дешевле парижских, тем более что зачастую были незаконными. Но поскольку Патен и его друзья покупали их в большом количестве, то частые просьбы Патена «разыскать в Лионе у книготорговцев» ту или иную книгу иногда сопровождался заверениями, что она будет оплачена: «Вы меня обяжете, купив ее для меня, если найдете. Я верну ее стоимостью, сколько она будет вам стоить, и [вы] очень меня обяжете»⁸⁵. Он шутливо отмечает «ваша дружба, ваши услуги для меня [слишком] плодоносны, чтобы я от них отказался»⁸⁶. Действительно, Патен почти в каждом письме просит разыскать ему ту или иную книгу. За большую часть из них он возвращал деньги, но многие из пересылаемых в Париж или в Лион книг были подарками.

«Я хочу сделать вам упрек, но по-дружески, – писал он. – Вы мне делаете слишком много комплиментов в своих письмах и слишком много подарков. Вы не хотите, чтобы я говорил о последнем пакете и о том, сколько он вам стоил. Я бы считал себя более счастливым, приобретая все эти редкости за деньги, и полагал бы себя еще более обязанным вашей доброте. Как же вы хотите, чтобы я поступил после всех забот, которые я ежедневно вам причиняю с этими моими редкостями, и которые зачастую столь же непомерны, как аппетит беременной женщины?»⁸⁷.

«Материальная» заинтересованность Патена подчеркивается тем фактом, что он и его сын Шарль служили посредниками в распространении нелегальных (печатавшихся без получения привилегии) и запрещенных изданий в Париже. С ужесточением контроля за печатной про-

⁸⁴ Patin G. 2006. Lettre à Charles Spon du 10.04.1650. Vol. 1. P. 652.

⁸⁵ Ibid. Lettre à Charles Spon du [06.10.1649]. Vol. 1. P. 563.

⁸⁶ Ibid. Lettre à Charles Spon du 15.01.1652. Vol. 2. P. 822.

⁸⁷ Ibid. Lettre à Charles Spon du 25.04.1653. Vol. 2. P. 1068.

дукцией при Людовике XIV против Патена и его сына начинаются судебные процессы по подозрению в распространении контрабанды (в сентябре 1666, июле и ноябре 1667 гг.) и выносятся постановления пристально следить за получаемыми ими (особенно из Лиона) посылками.

Книга в отношениях Патена и его лионских друзей, как и отношениях других людей, непосредственно связанных с книжной культурой, существует в рамках экономики дарений, но при этом и выпадает из них. Она как раз является одним из главных объектов интереса в поддерживаемых связях, не менее значимым, чем сами отношения с человеком, который ее преподносит. Даже более того, сама значимость этого человека в большой мере связана с его способностью открыть путь к желаемой книге. Уж не за эту ли возможность, доставать через своих лионских друзей новые книги, Патен так ценил отношения с ними? Во всяком случае, дар и даритель, по меньшей мере, имеют равнозначную ценность. И кроме того очевидно, что именно наличие такой сугубо материальной заинтересованности, которая отдавала некоторой корыстью, заставляло постоянно прикладывать усилия и самыми разными способами подчеркивать дружественность, уважение и искреннюю эмоциональную привязанность⁸⁸. Патен позиционирует собственноручную оплату всех книг, посылаемых в Лион, как дружеское поведение и просит обращаться с ним, как с другом, и позволить оплатить следующий пакет⁸⁹. Это позволяет, в духе философии Эпикура, в свою очередь, также просить о еще большем количестве книг и получать больше удовольствия от столь плодоносной дружбы.

Книга как объект личного интереса вписывается в эту экономику дарений и благодаря тому, что время от времени ее сопровождают и другие дары, которые как раз играют традиционную символическую роль. Подарки были неотъемлемой частью отношений Патена с Шарлем Спеном. Самое первое из их сохранившихся писем начинается словами:

«Сударь, я второпях пишу вам эту краткую благодарность за превосходный подарок, часть которого я передам г. Моро, который отблагодарит вас в письме. Я очень обязан вам за то, что вы так пунктуально обо мне вспоминаете»⁹⁰. Патен нередко получал сыры, каштаны и прочие деликатесы. «...Г. Фальноне, также, которому я прошу вас передать, что я благодарю его за сыры и другие подарки помимо книг, за которые я ему и так уже

⁸⁸ «Я продолжаю слишком чтить вашу дружбу, чтобы желать других подарков с вашей стороны, кроме вашего искреннего хорошего расположения...» *Patin G.* 1846. Lettre à A. Falconet du 20.07.1649. V. 2. P. 525.

⁸⁹ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 25.04.1653. Vol. 2. P. 1069.

⁹⁰ *Patin G.* 1907. Lettre à Charles Spon, docteur en médecine à Lion, rue de la Poulauillerie du 21.10.1642. V. 1. P. 241.

очень обязан», – просит он Спона⁹¹.

Эти подарки не отличались разнообразием. Присылали то, что было обычно в изобилии в домашнем хозяйстве и наилучшего качества. Так, доктор Клод Бело из Труа присылал Патену паштет. Его Патен хранил до каких-нибудь особый случаев⁹².

Регулярный обмен и такими подарками казался Патену фактором, еще более проблематизирующим дружеские отношения:

«Было несколько моих писем, которые от вас ускользнули, и которые вы не получили, в которых я просил вас никогда больше не присылать мне паштет, ни что-либо другое, в виду того, что, помимо того, что я совершенно недостоин ваших подарков, сами подарки, и в особенности между друзьями, неуместны и подозрительны; я однажды писал об этом подробнее в письме, которое, по видимости, потерялось. Эти подарки доставляют вам беспокойства, а я, который никогда [их] не ем, вынужден отдавать их людям, которые не всегда этого заслуживают»⁹³.

В глазах Патена эти дары в наименьшей степени обладали символической ценностью (что тоже свидетельствует о произошедших изменениях в представлении о дружбе) в силу того, что не имели никакой духовно составляющей. Совершенно иначе он относился к дарам, в которых эта духовная составляющая превалировала над материальной, благодаря чему формировала символическую ценность. В 1648 году он посылает Шарлю Спону свой портрет и просит взамен портрет друга, предвкушая его получение:

«Получили ли вы мой портрет, который я отправил вам в прошлом году с г. Раво? Мне кажется, вы не сообщали о том, что получили его. Я также прошу вас не забывать, что вы обещали мне свой, который я здесь жду. Надеюсь, что вы не лишите меня надежды. Я уже приготовил для него место в моем кабинете...»⁹⁴.

Портрет также особо интересует его как возможность сохранить для потомства свидетельство о дружеской расположенности Спона⁹⁵.

Очень близки к ситуации с обменом книгами были услуги, оказываемые приезжавшим друзьям и знакомым корреспондента. С одной

⁹¹ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 08.01.1650. Vol. 1. P. 579.

⁹² «...надеюсь, что ваш паштет прибудет к крещению нашего четвертого мальчика, которого мы ожидаем». *Patin G.* 1907. Lettre à Monsieur Belin, docteur en médecine à Troyes du 08.11.1635. V. 1. P. 96.

⁹³ *Ibid.* Lettre à Monsieur Belin, docteur en médecine à Troyes du 28.04.1639. V.1. P. 153.

⁹⁴ *Patin G.* 2006. Lettre à Charles Spon du 07.06.1649. Vol. 1. P. 450.

⁹⁵ См. письмо от 24 мая 1650 г.: *Ibid.* Lettre à Charles Spon du 24.05.1650. Vol. 1. P. 674.

стороны, Патена интересовала возможность Спона и Фальконе свести его с новыми людьми, что он неоднократно подчеркивал и очень ценил. С другой стороны, эти услуги также преподносились как составная часть экономики дарений и важный способ проявить и подтвердить свою дружбу, в которых они были ограничены в силу удаленности друг от друга. Еще одним из таких способов было оказание помощи друзьям или родным друга, если они оказывались в Париже или Лионе. В 1661 г. в Париж с письмом от Фальконе приехал один «достойный лионец», для которого Патен пообещал добиться встречи с президентом Ламуаньоном. В 1665 г. он, в свою очередь, благодарит друга за то, что тот приготовил комнату для его сына, собравшегося в Лион.

Такая «заочная» дружба между Патеном и его лионскими корреспондентами, с очень редкими встречами и визитами, продолжалась до смерти последнего в 1672 г. Отношения с лионскими корреспондентами будет продолжать его сын Шарль.

Сложное отношение к интересу в отношениях между членами *Respublica Literaria* и ощущение потребности в акцентировании маскирующих его бескорыстности и уважении эмоциональной дружеской привязанности – свидетельство эпохи, порожденное многочисленными трансформациями, выпавшими на долю XVII столетия. Веку Просвещения удастся преодолеть это болезненное отношение к корыстному интересу в дружеских связях, обмен дарами будет рассматриваться как готовность делиться материальными благами между равными⁹⁶, благодаря чему дружба даже войдет в число революционных ценностей.

Развитие экономики приведет к тому, что деловые отношения перестанут нуждаться в легитимации посредством дружеского дискурса. С этим отчасти связан и тот факт, что *amicitia* уступит место *tolerantia* в качестве понятия, характеризующего отношения между членами *Respublica Literaria*. Дальнейшее налаживание регулярного почтового сообщения приведет к тому, что кажущийся «нормальным» интервал между письмом как даром и ответом на него перестанет увязываться с датами отправления очередного курьера, он вновь станет более размытым. Как следствие трансформируются представления о «норме» и восприятие ее нарушений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.

Belloc A. Les postes françaises: recherches historiques sur leur origine, leur développe-

⁹⁶ Haroche-Bouzinac G. 2010. P. 36.

- ment, leur législation. Paris, 1886. XX, 783 p.
- Bots H., Waquet F.* La République des Lettres. P.: Belin, 1997. 188 p.
- Bray B.* Épistoliers de l'âge classique. L'art de la correspondance chez Madame de Sévigné et quelques prédécesseurs, contemporains et héritiers. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2007. 504 p.
- Davies N. Z.* The Gift in Sixteenth-Century France. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000. 196 p.
- Davis N. Z.* Beyond the Market: Books as Gift in Sixteenth-Century France // Transactions of the Royal Historical Society. Ser. 5. N. 33. 1983. P. 69–88.
- Duchêne R.* Comme une lettre à la poste. Les progrès de l'écriture personnelle sous Louis XIV. P.: Fayard, 2006. 370 p.
- Fattori M.* Le commerce épistolaire, institution de la République des Lettres // Les premiers siècles de la République européenne des Lettres / Sous dir. de M. Fumaroli. P.: A. Baudry, 2005. P. 90–110.
- Goodman D.* The Republic of Letters. A Cultural History of French Enlightenment. Ithaca, L.: Cornell U.P., 1994. XII, 338 p.
- Guez de Balzac J.-L.* Œuvres de J. L. de Guez, sieur de Balzac... P.: de J. Lacoffe et Cie, 1854. V. 1–2.
- Haroche-Bouzinac G.* Valeurs de l'amitié dans la correspondance des frères Verri // Valeurs et correspondance / sous dir. de A. Tassel. P.: L'Harmattan, 2010. P. 33–51.
- Monod-Cassidy H.* De la Lettre à la revue: La correspondance de l'abbé le Blanc et du président Bouhier ; essai sur l'étiologie de la Correspondance littéraire // La correspondance littéraire de Grimm et de Meister (1754–1813) / Sous dir. de B. Bray, J. Schlobach, J. Varloot. P., 1973. P. 135–136.
- Patin G.* Les Lettres de Guy Patin à Charles Spon / Ed. par. Laure Jestaz. P.: Honoré Champion, 2006. Vol. 1–2.
- Patin G.* Lettres de Gui Patin, 1630–1672 / Ed. par P. Triaire. P., 1907. V. 1.
- Patin G.* Lettres de Gui Patin. P.: J.-H. Baillière, 1846. V. 1–3.
- Pellisson P.* Lettres historiques. Genève: Slatkine, 1971. 330 p.
- Sévigné M.* Correspondance. P.: Gallimard, 1972. V. 1–3. V. 1. XXXIX, 1459 p.
- Taussig S.* Les correspondances savantes comme une utopie // Libertinage et philosophie au XVIIe siècle. Vol. 6. Libertins et esprits forts du XVIIe siècle: quels modes de lecture? // Sous dir. de A. McKenna et P.-F. Moreau. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne, 2002. P. 37–54.
- Ultee M.* The Republic of Letters: Learned Correspondence, 1680–1720 // Seventeenth century. 1987. N. 2. P. 95–112.
- Стогова Анна Вячеславовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерной истории ИВИ РАН; annast@list.ru.